

НЕСКОЛЬКО лет назад в Щукинском училище был поставлен спектакль «Двенадцать разгневанных мужчин».

Спектакль получился очень интересный, публики было много, и никто и представить себе не мог, что доделывался спектакль по ночам: режиссер — студент 2-го курса, — выгнанный за съемки во время учебного процесса без права входить в училище, залезал в зал в полночь по пожарной лестнице и репетировал до рассвета.

Правда, ректор Борис Евгеньевич Захава, человек удивительной строгости, справедливости и доброты, узнав об этом героическом упорстве, издает приказ: разрешить студенту такому-то, отчисленному за то-то, закончить работу над спектаклем, причем входить он может через дверь...

Студентом этим был Никита Михалков.

Верно сказано: «Чем больше делаешь, тем больше успеваешь», и эти слова очень подходят к режиссеру и актеру Никите Михалкову.

Несколько дней как вернулся из Сибири — с поисков природы для будущего фильма, завтра улетать в Рим — главный режиссер театра «Аджентино» Маврицио Спаттаро пригласил ставить спектакль по мотивам произведений Чехова. Но есть еще вечер и утро, и за окном шумят и покачиваются, как высокие махачи, сосны, в воздухе пахнет осенью — прелыми листьями, землей, яблоками; и на рассвете в голубом воздухе, далеко-далеко, белеет и сверкает куполом в лучах медленно восходящего солнца Ассиньинская церковь на Николиной горе.

И пока есть вся эта красота, можно жить, радоваться, работать... Двадцать лет назад в Щукинском училище учился на актерском факультете студент, что ни день изумлявший педагогов интересными задумками, творческими фантазиями, а иногда, чего скрывать, просто озорством (как-то поспорил с сокурсником, что сможет провести день в училище в черном кожаном плаще, надетом на голое тело, и в черных очках, и выиграл пари)...

— **НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ**, вы тогда, наверно, и почувствовали, что режиссура — ваше призвание?

— Я учился на актерском факультете, ощущал себя актером, был счастлив. Мы делали самостоятельные отрывки, все что-то придумывали, создавали, я тоже всю фантазировал «для себя и для других», и именно тогда у меня возникло ощущение, что я могу не только играть, но и видеть сверху общую конструкцию, ситуацию, двигать персонажи, видеть их в развитии, а ведь режиссура начинается с ощущения общего в развитии...

— Как бы вы охарактеризовали профессию режиссера?

— Режиссура — это склад характера, терпение, ирония к самому себе и абсолютно безвозмездное ощущение окружающего мира с жесткой точки зрения профессии. Вот смотришь на закат, и сразу начинаешь думать: как бы его можно

«Я вдалеке смотрю с надеждой»

было снять, где бы, в какой сцене он понадобится.

Любое событие — трагическое ли, комическое ли, все ты воспринимаешь применительно к своей профессии. Это и радость — происходит постоянный процесс накопления, работа не останавливается, это и беда — с человеческой точки зрения, ибо ты лишен естественного восприятия мира, и, наверное, это и есть одиночество режиссера.

— Вы считаете, что каждый творческий человек обречен на одиночество?

— Да, но одиночество это особое сорта. Если одиночество для старика или пожилой женщины страшно, то одиночество для художника в какой-то момент желательно для того, чтобы разорваться в себе и сочетать это с тем, что происходит вокруг, оно становится импульсом, моментом концентрации.

И самое главное: художник в одиночестве не одинок — с ним его герои, его фантазии, его память, его мечта — все вместе и есть счастье творчества...

Михалков помолчал немного, потом добавил:

— Только не надо путать понятие «одиночество» с понятием «скука». Скука — это бедность, духовная нищета, одиночество — это богатство...

— «Учитель в искусстве это тот, кто помог вам стать самим собой», кто стал таким учителем для вас?

— Их было несколько. В Щукинском — Шихматов и Львова, во ВГИКе — Ромм, и всем им я благодарен за бескорыстность и равноправие, с которыми они отдавали все, что знали, чувствовали сами...

— Ромм был человеком удивительного ума, иронии и ощущения формы. Его лекции были напрочь лишены какой-либо назидательности.

Допустим, он приходил из поликлиники (он часто болел). Тема лекции — средний план.

Входит, садится, говорит: — Я сегодня был в больнице, сидел в коридоре, мимо меня прошла полная пожилая женщина в белом халате, обладала едким запахом лекарств и посмотрела на меня — глаза у нее были очень добрые и грустные.

Происходило чудо! Перед нами возник мир с длинными коридорами, больничными запахами, приглушенными звуками, и мы уже думали, как бы это можно было снять.

Ловлю себя на мысли, что Михалков рассказывает о Ромме, как о живом, будто все это было вчера, — странно...

Как быстро летит время, и как несправедливо быстро уходят талантливые люди. Память остается, а их нет — ни Шахматова, ни Ромма, ни Захавы, ни Львова, ни Попова, ни Миронова...

— **КОГО** из артистов нашего столетия вы отнесли бы к числу великих?

— Трудный вопрос, трудный потому, что не всех артистов успел увидеть воочию. Я не видел Чехова, Москвина, Тарха-

нова, Качалова, да, конечно, остались пленки, но все это не то — театрального актера надо видеть на сцене. А из тех, кого видел, с кем встречался на съемочной площадке, назову нескольких: Михаил Ульянов, Олег Янковский, Роберто де Ниро, Мэриэл Стрип, Джейн Хэкман...

Никогда не забуду Андрея Алексеевича Попова — работать с ним было счастьем, это был великий артист...

И еще — вроде меня нельзя обвинить ни в национализме, ни в тенденциозности, но все же я считаю, что самые великие артисты, независимо от того, в какой стране они родились и на каком языке говорят, проходили русскую театральную школу, потому что наша актерская школа, пожалуй, самая сильная в мире, в этом я убедился, работая на Западе — да, есть вершины, есть «звезды» (большинство из них, кстати, изучали Станиславского и Михаила Чехова), но если брать средний актерский уровень — безысходная катастрофа...

— Как, по-вашему, существует разница между миром театра и кино?

— Для меня вся разница — в рампе. В театре стоишь перед темным пространством и тысяча глаз пытается тебя понять, ошутить, осмеять, оправдать или отвергнуть. У актера кино этого нет, он общается только с камерой, и это и легко, и сложно, с другой стороны: в кино зрителя можно обмануть, в театре — нет, в театре можно только увлечь.

На репетициях у меня абсолютно театральная система, я репетирую, как

в театре, чтобы понять, что же для зрителя должно стать наиболее важным, потом можно сделать укрупнение, «пустить» музыку, но изначальною правду я ищу в театральной системе.

— Вы боитесь неудач?

— Нет, не боюсь, но не потому, что я такой смелый, просто боюсь бояться неудач. Боюсь работать суетливо, боюсь начать шарить глазами и ворочать ушами по сторонам, пытаюсь поймать настроение момента и угодить тем, кто может решить, успех это или провал...

НИКИТЕ МИХАЛКОВУ — чуть-чуть за сорок. Выглядит он прекрасно, в замечательной спортивной форме — каждый день бег, футбол, теннис, только вот голова у него совсем седая...

Как независим художник, и как же все-таки зависим от времени, в котором он живет!

Вспоминаю события шестилетней давности — Михалков заканчивает картину «Родня». Прекрасную, светлую ленту не выпускают полгода, год, два...

Думаю: возможно ли было это теперь?

— Тогда я получил по картине 117 замечаний. Из принципиальных отдал только один план: измученные на учениях молодые солдаты едут на грузовике. Мне сказали: «У бойцов слишком измученный вид, неправдоподобно». Я переснял: с экрана смотрели чистые, былинно-прекрасные парни, но это, как ни странно, произвело еще большее впечатление — символ становился определеннее и пронзительнее... В конце концов из-за этого кадра длиной в три с половиной метра встал вопрос, выходит картина или нет, и я вырезал его, хотя теперь жалею...

В соседней комнате тихо сидят Никитины дети — Анна и Тема: отец работает, значит, шум невозможен, даже годовалая Наденька не «агукает» — в доме удивительно, от какой уже отвыкли, тишина, и я спрашиваю:

— Что для вас музыка?

— Все, — отвечает Никита, — пение птиц, шум ветра, скрип половиц, гудение проводов. Все, что слышно, — музыка...

— Наверное, в этом вопросе с вами солидарен композитор Артемьев?

— Безусловно, он воспринимает весь мир, как музыку. Помню, мы как-то ехали с ним по нашим родным ухабам, машину трясло, кидало, в багажнике от «качки» раздавался какой-то металлический звук — Эдуард минут десять прислушивался, а потом «под этот ритм и в этой тональности сочинил тихую, нежную мелодию».

Уже вечер, пора прощаться, завтра Никите рано вылетать; на небе много звезд — утро должно быть солнечным, листья — прозрачными, небо — высоким, совсем как в последних кадрах «Обломова»: «Ныне отпускаешь раба твоего»...

Говорят, что настоящий художник — всегда странник. Странник, который идет по бесконечной дороге...

Ольга СЕМЕНОВА.